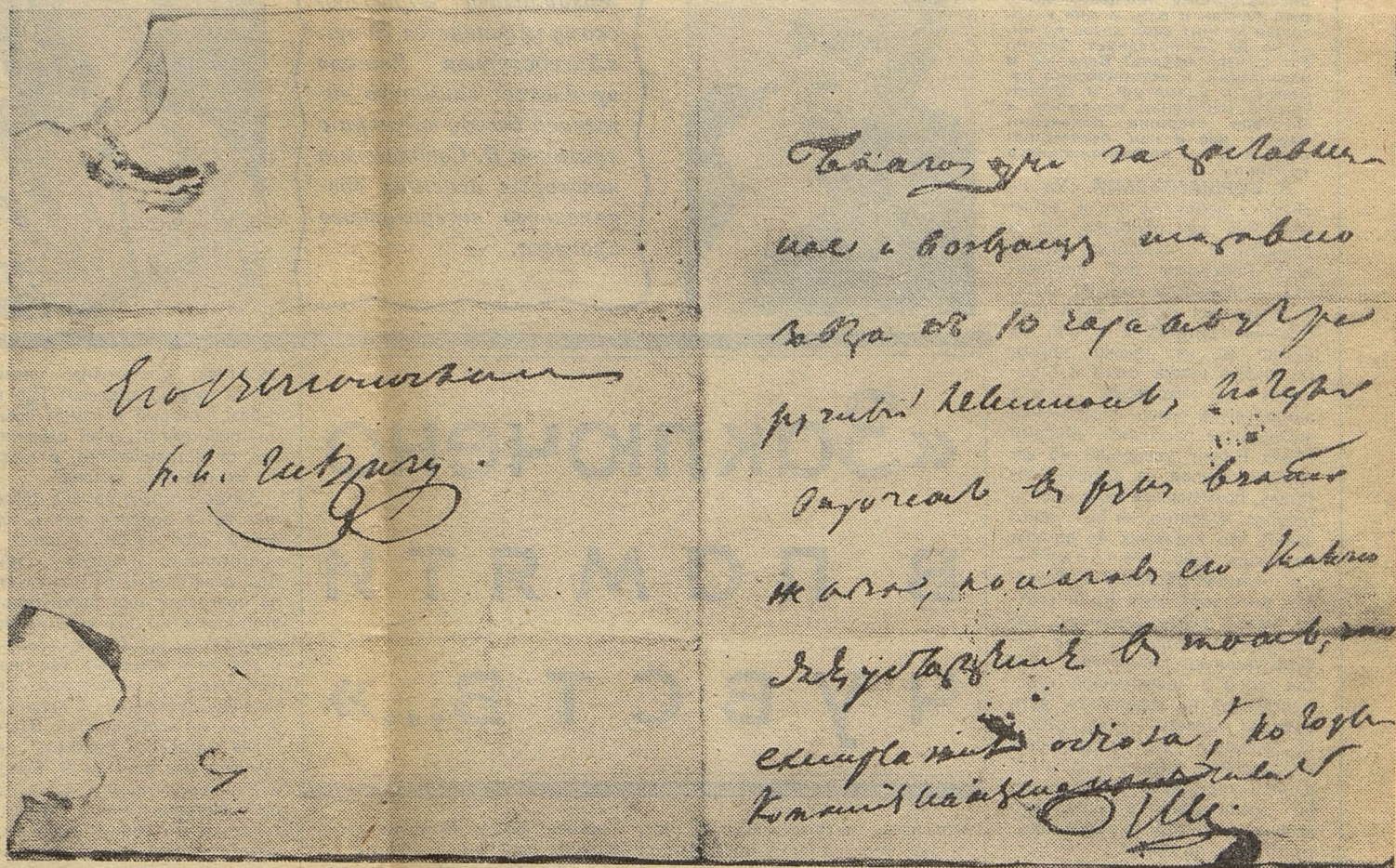

Жизнь в Стране

Письмо А. С. Пушкина
Н. И. Гнедичу.
Воспроизводится
в размерах
подлинника.

«Его Высокоблаг[ородию]
Н. И. Гнедичу.

Благодарю за доставленное и возвращу исправно завтра к 10 часам утра рукой Лексикон, который впрочем в руки взять нельзя, показав его Князю для убеждения в том, что *exempla sunt odiosa*, но горе-Копиист кажется признался.

Пу[шкин]».

Буквально: «примеры ненавистны» (лат.). Устойчивое выражение, имеющее значение «примеры изишны, их лучше не приводить».

БЛИЗКИЙ друг Николая Ивановича Гнедича, библиотекарь Публичной библиотеки М. Е. Лобанов, выполнил последнюю волю переводчика «Илиады» в феврале—мае 1833 года, раздал его бумаги и описал личную библиотеку. Наиболее ценные документы, в том числе и автографы Пушкина, Гнедич просил передать в Публичную библиотеку, что и было исполнено. А книжное собрание Гнедича, включавшее в основном издания произведений античной литературы и научные комментарии к ним, словари греческого языка и справочники по эллинизму, было направлено М. Е. Лобановым в Полтавскую гимназию, где в начале 1790-х гг. поэт учился.

Изучая особенности некоторых экземпляров из коллекции Гнедича, в XX веке попавших в Государственную научную библиотеку имени В. Г. Короленко, можно встретить в них немало следов творческой работы переводчика. Записи Гнедича на греческом, латинском и русском языках, вложенные рукописные пояснения к текстам. В книгах попадаются автографы А. Н. Оленина и С. С. Уварова, в 1810-е гг. выступавших в защиту русского гекзаметра.

Библиотека, тщательно подобранная, была для Гнедича тем миром, в который он входил, забывая о нужде и болезнях. Здесь он беседовал с Гомером, посвящая себя, по словам Пушкина, «исключительному труду, бескорыстному вдохновению и совершенно единому, высокого подвига».

Пушкин еще до южной ссылки бывал в «эпикурейском кабинете» Гнедича, жившего в казенной квартире при Публичной библиотеке. Гнедич полюбил юного гения, встречаясь с ним в 1817—1820 гг. у А. Н. и Е. М. Олениных и П. А. Плетнева, на заседаниях общества «Зеленая лампа». Он принимал участие в предотвращении нависшей над Пушкиным весной 1820 года угрозы ссылки в Сибирь, и поэт, завладевший петербургскими сплетниками, доверял Гнедичу, цена его «благородную независимость» (П. А. Вяземский).

Гнедич подготовил первые издания «Груслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» Пушкина.

Не менее интенсивными были контакты поэт после возвращения Пушкина из ссылки и приезда в Петербург. Многие факты общения Пушкина и Гнедича в 1827—1832 гг. давно известны и исследованы пушкинистами. Трудно было предположить, что Гнедич, собиравший рукописи Пушкина еще с 1820 года, когда Е. С. Семенова передала ему статью поэта «Мои замечания об рус-

ском театре», Гнедич, сохранивший 9 писем Пушкина (до нас дошли только 3 письма Гнедича к великому поэту), мог забыть о каком-либо его автографе. Однако это произошло.

Неизвестное письмо Пушкина обнаружено мною в конце сентября в экземпляре издания «Песни Гомера. Илиада и Одиссея», с комментариями Р. П. Найта (Париж—Страсбург, 1820).

В книге — владельческая надпись Н. И. Гнедича и его запись о «достоинстве издания».

Пушкинский текст написан на небольшом листе бумаги, без филиграней. Поэт сложил его шестеро, надписав адрес и запечатал желтой облаткой. В таком виде, только уже распечатанное Гнедичем, письмо и находилось в книге.

Несколько замечаний текстологического характера. Стремительный почерк Пушкина в черновиках и письмах к близким людям, в деловых записках, не имевших для поэта программного значения, по единодушному мнению пушкинистов, трудночитаем, а некоторые слова в пушкинских текстах остаются до сих пор неразобранными. С. М. Бонди в книге «Черновики Пушкина» (2-е изд. М., 1978) привел немало примеров пушкинских скорописей. Иногда даже контекст не позволяет однозначно определить, какое слово было написано поэтотом. Так, в рассуждениях Пушкина о Шекспире в предисловии к «Борису Годунову» долгое время читали «типов» вместо «планов», что искажало мысль великого поэта.

Почерк письма Н. И. Гнедичу отражает устойчивые и характерные формы написания Пушкиным таких букв, как заглавная «б», строчная «д» (два наиболее употребляемых поэтом варианта) и др. Многие слова Пушкин пишет слитно, не прерывая линии. У него выработались своеобразные переходы из одной буквы в другую, нередко допускает он и пропуски букв.

Несмотря на то, что уже в 1819 году в почерке пушкинских черновиков и дружеских посланий определился ряд форм, сохранявшихся по 1837 год, послелицейские автографы Пушкина и ру-

кописи начала 1830-х гг. имеют ряд существенных отличий. Даже для беглого почерка 1819—1820 гг. в основном характерны более правильные очертания букв — следствие лицейских занятий каллиграфией. Эти элементы в большей степени развиты в беловых автографах. Вместе с тем Пушкин тогда писал в черновиках размашисто, буквы получались хотя и правильными, одинаковыми по высоте, но угловатыми.

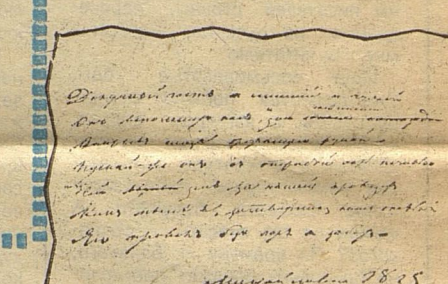
Найденное письмо по почерку не может быть отнесено к первому петербургскому периоду общения двух поэтов: оно написано скорописью совсем другого типа. Очертания букв стали более округлыми, строка «пляшет», так как некоторые буквы уменьшены или совсем сведены к точке. Исчезли многие вычурные завитки, букву «з» по одному из употребляемых Пушкиным написаний нельзя отличить от «г» и т. д. Основываясь на анализе почерка, письмо Н. И. Гнедичу следует отнести ко второй половине 1820-х — началу 1830-х гг., а точнее, к 1827—1832 гг. Чтобы убедиться, что это почерк зрелого Пушкина, достаточно взглянуть в его рукописи 1830-х гг., например в черновики «Медного Всадника», ознакомиться с пушкинскими написаниями слов «вроде» и «нельзя» данного периода.

Поставленная под письмом подпись вполне сопоставима с аналогичным росчерком в рукописи «19 октября» (1825) и с подписью под автопортретом 1829 г., с другими автографами конца 1820-х — начала 1830-х гг.

Теперь попытаемся установить, о чем идет речь в письме Пушкина.

Поэт обещает возратить «ручной Лексикон», очевидно, принадлежавший Н. И. Гнедичу. Следует отметить, что в автографе действительно стоит слово «ручной», а не «ручный», как может показаться. При переходах из одной буквы в другую в окончаниях «-ой» Пушкин, как правило, разрывал овал. Кроме того, форма «ручной» употреблялась в его произведениях, например: «Ручной медведь лежит на воле».

В первой трети XIX века в России вы-

Фрагмент чернового автографа стихотворения Пушкина «19 октября» (1825).

шло несколько «ручных книг», например: «Ручная книжка для любителей благочестия» (СПб. 1821), «Ручная книга сельского хозяйства...» (М. 1802). Одно из таких изданий — «Ручная книга древней классической словесности», т. I (СПб. 1816) — было в личной библиотеке Гнедича.

Но Пушкин всегда необыкновенно точен в формулировках. Он говорит о «Лексиконе». По моему мнению, речь идет о принадлежавшем Гнедичу «Греческо-немецком ручном лексиконе для начинающих и друзей греческого языка», 3-е изд. (Вена—Лейпциг. 1819), составленном выдающимся немецким филологом Ф. В. Риммером, другом И. В. Гете и воспитателем В. Гумбольдта. Словами «ручной Лексикон» Пушкин в соответствии с традициями перевода того времени буквально перевел устойчивое немецкое словосочетание «Hand-Wörterbuch». Для такого предположения есть несколько оснований.

Важное другое. Книга печаталась в типографии Ф. Фромана на грязноватой, серой бумаге крайне низкого качества. Печать нечеткая, часто расплывающаяся. Из-за грубости бумаги отдельные буквы оказались неоттиснутыми или оттиснутыми пунктирно. Бледная типографская краска почти сливается с фоном. О таком «ручном Лексиконе» Пушкин имел все основания сказать, что его «в руки взять нельзя». По-видимому, таков смысл пушкинского каламбура.

Письма Пушкина

Пушкин всегда обращал внимание на «типографическую изящность» изданий. Рецензируя «Словарь о святых», он писал: «Словарь» напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленовой бумаге и есть отличное произведение типографии...».

Пушкинский каламбур на первый взгляд может иметь и другой смысл, если книга слишком велика по формату. Однако «ручной Лексикон», то есть подручный, настольный словарь из библиотеки Гнедича, вдвое меньше принадлежавшего ему же и действительно большого «Греческо-немецкого лексикона», составленного И. Г. Шнейдером и выпущенного в Лейпциге в том же 1819 году.

Конечно, Пушкин обратился бы именно к Гнедичу, если бы возникла полемика о каком-либо тексте на греческом языке. В библиотеке Пушкина лексикона Ф. В. Риммера не было, а имелись только «Греческого языка начальное познание» П. Антоновича и «Сборник упражнений по греческому языку» Л. А. Вендель-Гейля.

А Гнедич для справок по написанию и значению греческих слов мог предоставить прежде всего лексикон Ф. В. Риммера — по его словам, «лучшего лексикографа». Гнедич ссылается на словарь Ф. В. Риммера в предисловии к изданию перевода «Илиады» 1829 года.

Латинские слова в письме Пушкина, вставленные в контексте, по-видимому, означают следующее. Пушкин одним-двумя примерами из лексикона хочет убедить князя в том, что дальнейшее доказательство изишны, так как копия (какое-то текста на греческом языке или его перевода) недоверительна, содержит ошибки. Кроме того, и сам копиист уже начинает признавать это.

Выражение «*exempla sunt odiosa*» в значении «приводить примеры нет необходимости» употреблялось и близкий к Пушкину литераторами, например А. И. Тургеневым в письме к П. А. Вяземскому 2 сентября 1819 года.

Появление латыни в тексте пушкинского письма не случайно. Латинский язык пролился и известную ранее переписку поэтов. Пушкин, когда писал к Гнедичу, всегда испытывал желание перейти на язык древнего «подлинника», говорить с переводчиком «Илиады» на «его» языке. Не владея греческим языком, Пушкин обращался к латыни. Гнедич сам нередко цитировал латинских авторов в письмах и беседах с друзьями.

Слово «копия» на русском языке Пушкин употреблял крайне редко: оно дважды встречается в журнальной статье и один раз — в переписке.

Письма Пушкина к каждому постоянному адресату имеют свои особенности. В переписке с Гнедичем он предельно демократичен и краток. Нет «милостивого государя» и уверений в пре-

А. С. ПУШКИН.

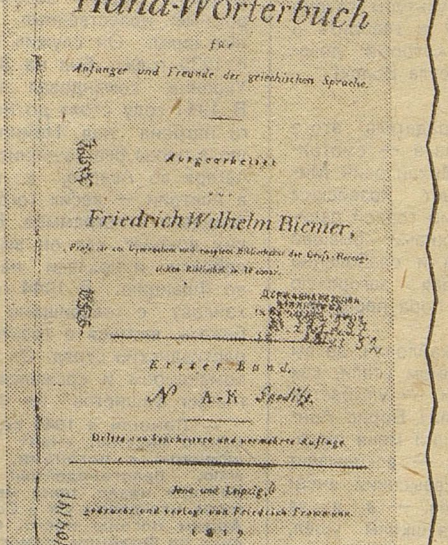
Н. И. ГНЕДИЧ.

данности. Гнедич был старшим товарищем Пушкина, другом и наставником. Однако поэт тщательно работал над первым письмом Гнедичу из ссылки, считая его принципиально важным для себя. Это был отчет перед литератором, мнением которого Пушкин дорожил.

В найденном письме Пушкина содержится благодарность «за доставленное», возможно, за книги. В 1829 и 1832 гг. Гнедич подарил поэту перевод «Илиады» и свои «Стихотворения», но речь идет в письме, конечно, не об этих изданиях, а скорее всего о книгах из гнедичевой библиотеки. Пушкин обещает возратить лексикон (может быть, это и есть «доставленное» или часть «доставленного»), необходимый ему для убеждения князя (возможно, он же — «горе-Копиист») в том, что копия недостаточна. Поскольку поэт не владел греческим языком и мог не знать о существовании лексикона Ф. В. Риммера, следует предположить, что спор Пушкина с князем разрешил Гнедич. По характеру письма ясно, что Гнедич все знает о споре.

В ответ на пушкинский запрос (по-видимому, устный, так как в письмах следов спора не сохранилось) и для окончательного убеждения князя Гнедич послал Пушкину наиболее авторитетное издание — лексикон Ф. В. Риммера.

Из текста письма видно, что общение поэтов происходило «через улицу», когда они оба находились в Петербурге. Контакты Пушкина и Гнедича в 1827 году были непродолжительными, так как Пушкин прибыл в Петербург в мае, а с начала августа Гнедичу был предоставлен годовой отпуск в Одессу для лечения. 11 августа 1828 года Пушкин, Гнедич и князь С. Г. Голицын были гостями Олениных по случаю двадцатилетия А. А. Олениной. Пушкин сообщил П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 года из Петербурга о том, что Гнедич «теперь здесь», упоминая рядом и о С. Г. Голицыне. Но вряд ли в найденном письме речь идет также о С. Г. Голицыне — поэте и композиторе, петербургском знакомом Пушкина. В обществе его называли Фирсом, и Пушкин в письме Гнедичу скорее бы употребил это прозвище.

Титульный лист издания «Песни Гомера. Илиада и Одиссея» (Париж—Страсбург, 1820), в котором находилось письмо А. С. Пушкина.

Титульный лист «Греческо-немецкого ручного лексикона...» (Вена—Лейпциг, 1819) с автографом Н. И. Гнедича.

это отголосок более раннего разговора о лексиконах.

Менее вероятно, что «Князем» был, скажем, А. А. Шаховской, оставивший подробное описание встречи с Пушкиным и Гнедичем в начале 1830 года у В. В. Мусина-Пушкина и Жуковского. «Расставаясь, мы уговорились назначить день еженедельного свидания у меня», — сообщал Шаховской С. Т. Аксакову.

В дневнике у М. П. Погодина за 1831 год читаем запись: «Октябрь 20... Вечер у Жуков[ского]. (...) Гнедич, Пуш[кин] и Одоев[ский]...» Сколько таких встреч было у Пушкина с Гнедичем в конце 1820-х — начале 1830-х гг. — неизвестно. Сохранившиеся письма и воспоминания современников свидетельствуют об их постоянном общении.

К началу 1830-х гг. относится увлечение Пушкина древнегреческой культурой. 6 января 1830 года поэт с сожалением писал Гнедичу о своем «незнании греческого языка». Подобное признание находим и в черновике стихотворения «На перевод Илиады» («Слышу божественный звук...»):

Чужд мне был Гомеров язык
слабкободный.

Пушкин употребил двухсоставный эпитет, присущий поэтике гнедичевого перевода.

Приблизительно 1833 годом датируется пушкинская запись начальных строк «Одиссеи» на языке подлинника и наброски перевода.

В заметках и статьях Пушкина появляются греческие слова. Между тем пушкинский цикл «Подражания древним» (1833) восходит к французскому переводу греческого сборника «Пир мурецов».

Среди бумаг Пушкина были обнаружены тексты переводов произведений Сафо, переписанные им самим и известной рукой. По-видимому, они были сделаны по просьбе П. А. Катенина в середине 1830-х гг.

Наконец, в Пушкинском Доме также хранятся находившиеся ранее в архиве С. А. Соболевского метрические записки гекзаметром рукой Пушкина и Гнедича.

Даже простой перечень фактов позволяет судить о широте и глубине проникновения Пушкина в мир древнегреческой культуры, в мир, воспетый Гнедичем. Переводчик «Илиады» передал поэту свою любовь к народу Эллады, к греческому языку, некогда оказавшему мощное воздействие на развитие языка русского. В одной из своих статей Пушкин, несомненно, под влиянием бесед с Гнедичем писал: «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему (русскому языку. — И. Л.) свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики...».

Неизвестно, достало письмо Пушкина Гнедичу — свидетельство более тесного, чем представлялось ранее, общения двух поэтов в последние годы жизни переводчика «Илиады».

Игорь ЛОСНЕВСКИЙ,
заведующий отделом старопечатных и редких изданий ГНБ
имени В. Г. Короленко

ХАРЬКОВ

РЕДЧАЙШАЯ НАХОДКА

«Беская строчка великого писателя становится драгоценной для потомства», — писал Пушкин, откликаясь на публикацию писем Вольтера.

Эти слова нельзя не вспомнить сегодня, когда достоянием читателя стало новое письмо Пушкина.

Факт обнаружения этого письма, да еще написанного на русском языке, адресованного старшему товарищу и собрату по перу — Н. И. Гнедичу, посвященного литературно-языковой тематике, существенно расширяющего наши представления о контактах между обоими поэтами, — факт этот настолько поразителен, что вызывает прежде всего лишь одну мысль: да возможно ли впрямь такое чудо?

Публикатор новонайденного документа И. Лосневский исчерпывающе ответил на этот вопрос. Принадлежность письма Пушкину несомненна. Пополнение эпистолярного наследия поэта свершилось.

Л. Г. ФРИЗМАН,
доктор филологических наук, профессор